

Шуплецова Ю. А.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА "ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ" В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ ЗАУРАЛЬЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/93.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 235-238. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

вом общении как стандартная коммуникативная схема. Утверждение о том, что такое ДЕ представляет собой неполную эллиптическую структуру не совсем верно. Именно сочетание РА просьбы с адекватной поведенческой реакцией является базовым, основным, наиболее функционально оптимальным с точки зрения разрешения коммуникативной задачи. Вербальная же реакция согласия наслаивается на эту схему, сообщая ей дополнительную прагматическую информативность. Согласие выполнить просьбу может быть представлено и как косвенный РА. Номенклатура РА, способных выступать в этой интеракциональной функции, ограничена: РА обещание, гарантия, благодарность, извинение, утешение, намерение. Механизм возникновения косвенности в данном случае основан на превалирующем воздействии коммуникативной схемы на высказывание или высказывания, выступающие в составе реагирующего речевого хода. Под влиянием всей диалогической структуры коммуникативной схемы РА приобретает вторичную иллокутивную силу - согласие, другими словами, функциональная нагрузка высказывания определяется его местом в структуре диалога.

Интеракциональный РА отказ также функционирует в общении как возможный вариант вертикального разворота данного ДЕ. Он свидетельствует о недостижении говорящим запланированной перлокутивной цели просьбы. Принцип вежливости предписывает адресату указать причину отказа, обосновать ее. Поэтому реагирующий речевой ход стандартно строится как вербальная констатация отказа и указание его причин субъективного и объективного характера.

Дальнейшее направление исследования диалога связано с выявлением и описанием прагматических закономерностей построения других видов диалогических единств и выделением коммуникативных схем, лежащих в их основе, с целью практического использования при моделировании учебных текстов.

Список использованной литературы

1. **Борботько А. Г.** Общая теория дискурса: принципы формирования и смыслопорождения: Диссертация ... доктора филологических наук. - Краснодар, 1998. - 250 с.
2. **Карабан В. И.** Сложные речевые единицы: прагматика английских асиндетических полипредикативных высказываний. - Киев: Киевский гос.ун-т, 1989. - 195 с.
3. **Чахоян Л. П.** Синтаксис диалогической речи современного английского языка: Уч. пос. - М.: Высшая школа., 1980. - 168 с.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА «ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ» В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ ЗАУРАЛЬЯ

Шуплецова Ю. А.

Челябинский государственный педагогический университет

В современной науке одним из продуктивных считается исследование языка фольклора, ставшего объектом изучения возникшей в начале 90 годов XX века науки лингвофольклористики, один из предметов которой - фольклорная фразеология - явление специфичное и во многих аспектах дискуссионное. В фольклорной фразеологии выделяют линейные конструкции - биномы: конструкции с эпитетами-прилагательными, репрезентативные пары и т.д.; и вертикальные конструкции - ряды [Хроленко 1981: 37]. Среди них наиболее ранним, заинтересовавшим исследователей языка фольклора и считающимся до сих пор одним из самых проблемных явлений стали конструкции с эпитетами-прилагательными, так называемыми постоянными эпитетами, которым долгое время отказывали в праве называться идиомами, но «сравнение списков предполагаемых объектов фольклорной фразеологии показывает, что бесспорным объектом является двусловная конструкция «постоянный эпитет + определяемое слово» [Хроленко 1981: 19].

В словарях дается следующее толкование постоянного эпитета - это «определение, устойчиво сочетающееся с определяемым словом и образующее при этом устойчивое образно-поэтическое выражение» или «слово-определение, устойчиво сочетающееся с тем или иным словом - определяемым». Сегодня во многом уточняется понятие постоянного эпитета, оценивается качество его постоянства, ведущее к сужению количества данных сочетаний. В лингвофольклористике постоянным принято называть эпитет, который, сливаясь с определяемым словом, образует с ним единое целое [Богословская 1985: 48]. К таковым относят сочетания *красная девица, добрый молодец, сине море, чисто поле, люди добрые, ретиво сердце, горьки слезы* и др. Именно эти конструкции не вызывают у лингвофольклористов сомнения в отнесении их к фразеологическим единицам на основании их устойчивости (постоянства), ограниченности сочетаемости, частотности употребления, постоянства лексического состава, а также метафорического преобразования.

Предметом рассмотрения в данной статье стала фразеологическая единица *добрый молодец*, встречающаяся в песенных текстах фольклора Зауралья, бытовавшего и бытующего до сих пор. Источниками для выявления этого фразеологизма стали обрядовые и необрядовые песни.

По количеству употребляемых в текстах фразеологизмов с компонентом прилагательным, являющимся постоянным эпитетом, данный фразеологизм уступает лишь единице *красная девица*, насчитывая 40 употреблений.

Сочетание *добрый молодец* в «Российском гуманитарном энциклопедическом словаре» определено следующим образом: это «типовой персонаж, герой и активное действующее лицо народных песен... Его образ не отличается единством. Преобладает изображение доброго молодца как молодого, чаще холостого либо

женатого недавно». В данном фразеологизме грамматически согласуемый компонент прилагательное в семантическом плане вбирает в себя не основное значение слова «добрый», т.е., по определению Ушакова, «делающий добро другим; благожелательный, отзывчивый, обладающий мягким характером», а указывает на «добротность», «достоинство», соответствие требованиям, предъявляемым к молодым мужчинам в физическом и нравственном отношениях.

В песенных текстах Зауралья эта фразеологическая единица обозначает лицо, молодого человека, как правило, жениха, возлюбленного. Например:

Сударь батюшка,
Сударыня матушка!
В моем храбром поезде
Добрый молодец не весел,
Голову повесил.
Нельзя ли его повеселить,
Брак соединить?

В фольклорных песнях в 78 % случаев фразеологизм *добрый молодец* имеет непосредственное отношение к красной девице, и лишь в 22% употреблений эта фразеологическая единица не несет в своем значении элемент «возлюбленный, жених», заменяемый на семантический компонент «воин, служащий» или «осужденный», и в такой трактовке зачастую имеющий отношение к родителям, преимущественно к матери:

Боля ты моя сердечная,
Уж ты кровь моя горячая,
Провожала тебя, *добрый молодец*,
На чужу сторонушку,
Защищать любиму Родину.

Или:

Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке.
Добрый молодец, сидя в темнице,
Пишет грамотку к отцу, к матери.
Не пером пишет, не чернилами -
Пишет грамоту горячими слезами.

Следует заметить, что в песенном фольклоре Зауралья единица *добрый молодец* насчитывает 3 варианта, в которых грамматически главный компонент существительное остается неизменным, в то время как грамматически согласуемый компонент прилагательное подвергается варьированию различных типов, пользуясь классификацией вариантов фразеологизмов Г. А. Шигановой: морфологическому, при котором «варианты различаются формами компонентов» и фонетическому, отражающему «видоизменение звуковой оболочки компонента ФЕ без утраты ее семантического тождества» [Шиганова 2002: 227-229]: *добрый молодец/ добр молодец/ доброй молодец*. В совокупности эти разновидности варьирования составляют, так называемый, комплексный вид, являющийся самым распространенным среди фразеологических единиц.

Исходной формой является, характерная для фольклора любой местности, независимо от диалектных особенностей, а главное закрепленная в литературоведческих словарях, форма *добрый молодец*, встречающаяся в фольклорных песенных текстах, записанных на территории Зауралья, в 65% случаев:

Я остался, *добрый молодец*,
Во темных лесах.
Закружилась моя головушка,
Запечалилася.
Как увидел я, *добрый молодец*,
Перевозчиков...
Переехал я, *добрый молодец*,
На ту сторону...

Чаше (в 30% случаев) используется в народных песнях Зауралья морфологическое варьирование, представленное употреблением полной или краткой форм грамматически согласуемого компонента *добрый/ добр*:

Выводила меня мамонька
Быстрой реченьке на берег,
Корабельщику на руки,
Добру молодцу на веки.

Фонетический вариант имеет непосредственное отношение к особенностям диалектного произношения, отраженного собирателями-составителями (Саверский Л. А., Иванов-Балин Г.) в печатном тексте, и представляет собой в данном варианте довольно редкое явление, насчитывающее в описываемых примерах всего 2 единицы, что составляет в процентном отношении 5%:

Да я качу-га, качу,
Да я качу, - ох-то, качу,
Золотое кольцо.

Да за кольцом-то идет,
Да за кольцом -то идет, да,
Добрай мой *молодец*.

В плане специфики произношения, закрепленного в письменном виде, необходимо отметить варьирование окончания компонента прилагательного в родительном падеже ед.ч. *доброва*, хотя эта форма употребляется вместе с литературной формой *доброго*:

Горе - горькая эта свадебка,
Горе -горькая, горемычная,
Без родимого света-батюшки,
Да у *доброго* *молодца*.

Злыя таки люди...
Хотят *доброва* *молодца*
Поймать в узком переулке...
Связали у *доброва* *молодца* белы рученьки,
Заковали ножки резвья в железа.

Подобное фонетическое варьирование, связанное с изменением звуковой оболочки компонента прилагательного в косвенном падеже, отчетливо видно лишь в письменной речи и характерно только для нее, но абсолютно стирается в устной речи, для которой не свойственно четкое проговаривание звука [г] в окончании, заменяемого на звук [в] в соответствии с языковой нормой. В данном случае отражается не столько специфика диалектного произношения, сколько частичная транскрипция слова.

Помимо собственно фразеологизма *добрый молодец* в песенном фольклоре Зауралья встречаются единицы, в которых основной компонентный состав (прилагательное *добрый* + существительное *молодец*) увеличен за счет компонента *удалой*: *удалой, добрый молодец/удал, добр молодец/разудалый добрый молодец*:

То не искры ль высыпаются?
Еще едет, посылается
То моя-то скрутна свадебка,
Со большим она со поездом,
Со *удалым добрым* *молодцем*.

Таких единиц нами выявлено 12. Стоит вопрос, считать ли данный фразеологизм количественным вариантом или самостоятельной единицей?

С одной стороны, в фольклорных текстах в качестве самостоятельной встречается единица *удалой молодец*, отмечаемая в исследованиях лингвофольклористов как синоним фразеологизма *добрый молодец*, соотносимая на общности семы «молодой человек, возлюбленный, жених», но отличающаяся оттенком значения, внесенного значением компонента прилагательного *удалой*, определяемого в словарях как исполненный удали, отваги:

Парень девушку любил нонче не по-прежнему,
Он любил, обманывал, в замуж подговаривал.
- Поди, девка, поди, красна,
Поди замуж за меня,
Поди замуж за меня,
За *удалого* *молодца*.

В этом фразеологизме помимо удали и отваги молодого человека, замечен момент самолюбования, самоуверенности, не добавляющий оттенок отрицательной окраски, но выступающей гораздо ярче, нежели в единице *добрый молодец*.

Поскольку замена компонента нарушает тождественность семантики фразеологизма, являющегося неперемным условием выделения вариантов, то говорить можно лишь о синонимических отношениях и наличии двух разных единиц.

Входя в состав фразеологической единицы *добрый молодец*, компонент *удалой* безусловно влияет на целостное значение фразеологизма, добавляя основному значению - 'юноша, достойный, соответствующий требованиям, предьявляемым к молодому человеку в физическом и нравственном отношении' - сему 'исполненный удали', нарушая тождественность значения. И на этом основании следует относить фразеологизм *удалой, добрый молодец* к отдельной фразеологической единице, выступающей по отношению к конструкции *добрый молодец* синонимом. В большей мере это соответствует тем песенным текстам, в которых молодец выступает в роли воина, полководца, когда любовные отношения не затрагиваются совсем. Здесь в семантическом плане наиболее значимым будет сема 'удаль, отвага', а компонент *добрый* будет реализовывать сему 'воин, служащий':

- Не бывал я, лебедь, на твоей стороне,
Не слышал я, лебедь, о твоей голове,
Только слышал - видел, в поле огонек горит.
Под дымком лежит *удал добрый молодец*,
В руках держит, держит плеть шелковую.

В таких примерах фразеологизм *удалой, добрый молодец* семантически близок единице *удалой молодец* и может рассматриваться в определенных условиях (в частности, в контексте) как ее количественный вариант, не нарушающий семантико-стилистическую целостность значения фразеологизма:

Нет ни облачка на небе,
Плещут главы, ясен день.
Не бывать мне как бывало
Степану Разину, удалому молодцу.

Но в песнях, раскрывающих отношения молодца и красной девицы, на первый план выходит сема 'добротный, соответствующий требованиям', в то время как сема 'удаль, отвага' выступает лишь как дополнительный элемент, полное раскрывающий добротность, своего рода поясняющий, конкретизирующий соответствия. Этот дополнительный компонент забирает часть значения постоянного компонента прилагательного на себя, разделяя его.

Ср.: На тех дубичках голубички сидят,
Промежду собой речи говорят.
Добра молодца восхваливали,
Добра молодца, ясна сокола.

Наливное сладко яблочко, люли, люли.
Удалой добрый молодец, ой, люли, люли,
Что Василий Поликарпович, ой люли, люли,
Он ходил да все подарочки носил.

Таким образом, в зависимости от контекста, влияющего на оттенки значения, фразеологизм *удалой добрый молодец* может выступать по отношению к единице *добрый молодец* как синоним и как количественный вариант.

Подводя итоги, необходимо отметить, что сочетание с постоянным эпитетом *добрый молодец* является в фольклорных текстах одним из наиболее распространенных, и интересным в плане изучения его семантических особенностей, зависящих от ситуации и выстраиваемых отношений, описываемых в текстах; а также в рассмотрении специфики вариантов и синонимов данного фразеологизма.

Список использованной литературы

1. Богословская, О. И. Язык фольклора и диалект [Текст]. - Пермь: Пермск. университет, 1985.
2. Хроленко, А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни [Текст]. - Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1981.
3. Шиганова, Г. А. Варьирование фразеологических единиц [Текст] // Челябинская фразеологическая школа (итоги и осмысление пути): Научно-исторический очерк. - Челябинск, 2002. - С. 226-229.

СОЦИАЛЬНО ПОРИЦАЕМЫЕ ПРИЗНАКИ ОБРАЗА ПРОФЕССИОНАЛА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Яковенко Л. К.

Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауезова, г. Шымкент, Казахстан

Выявление признаков социально порицаемого образа профессионала имеет большое значение, поскольку в различных национальных и социальных условиях оно неизбежно варьируется. Н. В. Дмитриук пишет: «Этническая неповторимость выражается прежде всего в стереотипах мышления и поведения представителя этноса. Определяющее место в системе этнических стереотипов занимают картины мира, отражающие представления индивида об окружающем его мире. Само понятие «*стереотип*» обозначает упорядоченные, обусловленные культурой «картины мира» в голове человека, которые упрощают процесс восприятия и понимания сложных социальных объектов, помогают ориентироваться в мире социальной информации и, тем самым, удерживать достаточно прочную (высокую) самооценку» [Дмитриук 2005: 19]. Для выявления стереотипов профессионального общения важно знать компоненты, из которых складывается и социально одобряемый, и социально порицаемый образ профессионала.

Источником для выявления признаков социально порицаемого образа профессионала стали материалы направленного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие непрофессионалы - люди разных занятий, выступающие по отношению к 4 отобранным для анкетирования профессиям в отношении потребителей. Отвечая на вопрос «Каким не должен быть врач (инженер, учитель и пр.)?», испытуемые называли то, что они воспринимают как нечто нежелательное для профессионала. Чтобы исключить влияние экспериментатора на респондентов, последним не предлагалось никаких подсказок. И тем не менее сложность анализа экспериментальных данных заключается в том, что всякая оценка - это не непосредственная реакция, а мнение, суждение о ценности, уровне или значении чего-либо или кого-либо (в словаре слово оценка определяется так: «Мнение о ценности, значении или уровне кого-чего-н.» [Ожегов 1989: 484]. Данные анкетирования даны ниже.

Инженер: алкоголик; безалаберный; без всякой фантазии; безынициативный; бестолковый; быстро поддающийся чужим мыслям; в белом чистом халате; вороватый; глуп; горд; грубый; жадный; жесткий; забыв-